

«История сквозь призму лирического фрагмента». Образы прошлого в трилогии Бориса А. Новака «Врата безвозвратности»

Аннотация:

В статье рассматривается один из ключевых дискурсов поэтической эпопеи словенского поэта Бориса А. Новака «Vrata nepovrata» (2015–2017). С помощью автобиографического нарратива автор в контексте национальной истории реконструирует и верифицирует прошлое своей семьи. Связующим звеном повествовательной структуры поэмы является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти.

Ключевые слова:

эпос в стихах, тема рода и семьи, поэтизация истории, образы прошлого.

Nadezhda N. STARIKOVA
(Moscow)

«History through the prism of a lyric fragment». Images of the past in Boris A. Novak's trilogy «Vrata nepovrata»

Abstract:

The article deals with one of the key discourses of the poetic epic by Slovenian poet Boris A. Novak «Vrata nepovrata» (2015–2017). Using an autobiographical narrative, the author has reconstructed and verified the past of his family in the context of national history. The 'bridge' of the poem's narrative structure is the motif of journey, which is realized on three levels: time, place, and memory.

Keywords:

epos in verses, story of family and clan, poetization of history, images of the past.

Борис А. Новак (род. 1953), выдающийся словенский поэт, переводчик и теоретик-стиховед¹. Не только большое дарование, но и всестороннее знание предмета позволили ему, обратившись к не самому популярному в наши дни художественному формату, подступить к весьма амбициозному проекту: созданию первой в истории словенской литературы эпической поэмы в стихах, работа над которой велась более двадцати лет. Трилогия «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017)² поражает своим размахом: это название объединяет три поэтических тома: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», общим объемом 40 тыс. стихов, которые, как убежден автор, и есть «залог того, / что память эхом в грядущем отзовется»³ (З: С. 1060). Следуя за Н.А. Бердяевым, полагавшим, что память представляет собой не просто пассивное воспроизведение прошлого, а что это род творческой «духовной активности», направленной не только на понимание прошлого, но и на его преобразование⁴, Новак реконструирует и верифицирует прошлое своих предков, воплощая его в поэтических образах. Подпитывание исторической основы эпоса энергетикой личного опыта, восполняет частично утраченные в ходе исторических катаклизмов связи между поколениями. Поэт «встраивает» себя в семью, род, и одновременно семью, род — в свое сознание, таким образом происходит восстановление и воссоединение ветвей генеалогического древа.

Некоторой разминкой, предвещающей этот стиховой марафон, можно считать книгу автобиографической лирики Новака «МЛМ: Малая Личная Мифология» (2007), в которой поэт отдает дань памяти членам своей семьи, испытавшим вместе со всеми государствами, где им довелось жить — от Королевства СХС до Республики Словении, — все мыслимые потрясения XX в.⁵

Словенские читатели, главным образом в блогах, очень по-разному откликнулись на трилогию: одни назвали ее анахронизмом, не пригодным для читателя XXI в., который в эру смс и твиттера просто не сможет осилить подобный текст до конца, другие — произведением, прямо наследующим «Божественной комедии» Данте. Литературовед Я. Вречко в статье «Поэзия как история и воскресший эпос» утверждает, что благодаря Борису А. Новаку этот род литературы в мировом художественном пространстве «восстал из мертвых»⁶. Однако то, что данный проект — самое монументальное произведение за всю историю бытования не только словенской поэзии, но и вооб-

ще национальной литературы, — бесспорно. Первая книга включает сорок шесть песней, композиционно сгруппированных в три раздела (тетради) и занимает 500 страниц, вторая состоит из десяти тетрадей, каждая из которых содержит пять песней, размещившихся на 700 страницах, более тысячи страниц третьей составляют девять тетрадей, по одиннадцать песней в каждой, т.е. всего девяносто девять, на одну меньше, чем у Данте, что не случайно. Данте — действующее лицо новаковской эпопеи, наставник и собеседник лирического героя. Другая лирическая константа произведения — образ Мо, Моники ван Памел, современной фламандской писательницы, которую поэт считает своей музой.

Присоединяясь к когорте великих мифоманов — Гомера, Вергилия, Овидия, Данте, Мильтона, — Новак предпринимает довольно успешную попытку обновить жанр героической эпопеи с помощью «очеловечивания» ее «установки на идеализацию и обожествление образов», чтобы «освежить прасюжеты и рассказать в эпическом ключе о давнем и недавнем прошлом»⁷. Поэтому в центре его внимания оказываются не героические исторические личности, а обыкновенные люди — мужчины, женщины, дети, старики. Мифологической основой эпоса так же, как в сборнике «МЛМ», являются семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование основано на воспоминаниях, построено, с одной стороны, как документальный автобиографический нарратив в стихах о «времени и о себе», о предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории, с другой, — включает в себя элементы вымысла, пропущенные через индивидуальное ассоциативное поле художника. Побуждением к работе стал для поэта уход из жизни родителей (отца в 1992 г., матери — в 2008 г.), после чего у него возникла потребность продолжить с ними прерванный диалог; на создание трилогии ушло около четверти века.

Связующим звеном повествовательной структуры всех трех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Представленный событийный ряд связан с функционированием воспоминаний: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого, так что из «груды осколков» рождается «великая, неслыханная История» (1: С. 54), создается портрет Времени. «Эпическую основу я черпал главным образом из семейных преданий. Мальчиком я внимательно и благодарно слушал рассказы своих родителей и близких;

спустя полвека этот мальчик их мне надиктовывает»⁸. В интервью Л. Форштнер поэт заметил, что его «эпос соткан только из лирических нитей, которые в трех книгах достигают эпического размаха, [...] отдельные лирические образы, портреты, судьбы складываются в единое эпическое целое», потому что «ужасы истории зачастую более отчетливы сквозь призму лирического фрагмента, чем на эпическом полотне славных побед и еще более славных поражений»⁹. Поэт трактует эпос значительно шире его устоявшихся канонических представлений, в частности бахтинских: из трех конститутивных черт, сформулированных М.М. Бахтиным (предмет изображения — национальное эпическое «абсолютное» прошлое; источник — национальное предание, а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел; дистанция, отделяющая эпический мир от современности), полностью в его опусе не сохраняется ни одной. Неизменной для Новака остается «авторская установка [...] человека, говорящего о недостигаемом для него прошлом, благоговейная установка потомка»¹⁰.

Пожалуй, именно благоговение характеризует отношение автора к отцу, образ которого является одним из центральных в трилогии. Для поэта командир 1-го Кочевского батальона* Анте Новак навсегда остался олицетворением героического партизанского поколения, Реквием по которому звучит во Второй книге трилогии «Время отцов». Ее открывает песнь «Время Данте, время Анте», где лирический герой в купе скорого поезда, едущего во Флоренцию, мысленно беседует с двумя главными пастырями своей жизни: героем антифашистского сопротивления Анте Новаком и автором «Божественной комедии» Данте Алигьери. А потом

*... Когда открываю глаза, вижу свое
лицо на оконном стекле. Данте ушел. И Анте тоже.
Пустое купе. Растерян, делаю шаг в коридор и вижу он
пуст
[...]
несется пустой поезд в темном лесу,
пусты все купе, мимо горных ребер
и пустых станций*

* 1-й Кочевский батальон входил в 5-ю словенскую народно-освободительную бригаду имени Ивана Цанкара, образованную 28 сентября 1942 г., действовал в основном на территории Нижней Краины.

*и пустых деревень
и пустых городов
в бесконечный ноябрь...*

(2: С. 26)

Сюжетной направляющей «Времени отцов» служит тема Второй мировой войны, она объединяет многочисленные личные истории персонажей в одну семейную и общечеловеческую трагедию. События 1941–45 гг. раскололи словенское общество, Новак рассказывает о том, как это происходило в его семье. Как молодой белогардист* Лойзе влюбился в красавицу Аницу Лужар, написал девушке поэтическое посвящение (венок сонетов с акростихом), а потом предупредил ее, сестру партизана, о готовящемся аресте. И больше мать поэта никогда его не видела. Как Рудольф Новак, кадровый военный, оказался в 1941 г. в Загребе, был мобилизован в армию НГХ, отправлен на восточный фронт, сдался вместе с полком под Сталинградом и сгинул где-то в Сибири. В память о яростной вере Анте Новака, что его старший брат Руди жив, что «он полезен Советам как специалист» (2: С. 317), автор придумывает благополучную, почти комическую версию советской жизни своего дяди, который

*стал помощником бухгалтера
Восточно-сибирского колхоза водовозов.*

*Очаровал широкобедрую простую сибирячку,
Что народила ему кучу ребятишек. И иногда по вечерам
Рассказывает байки из прежней жизни,*

*когда был классовым врагом и фрак носил.
Глаза на мокром месте. Сосед стакан подносит:
Пожалуйста, Рудольф Антонович!*

(2: С. 319)

Рассказывает как 31 октября 1941 г. Леопольдине Новак, бабушке автора, офицер мариборского Гестапо принес зеленоватую консервную банку с пеплом ее сына-подпольщика Лео Новака со словами: «*Guten morgen, / gnädige Frau!* Как известно и вам, немке, / мы,

* Белогардисты — в годы Второй мировой войны члены отрядов профашистской военизированной организации «Бела гарда», руководимой итальянскими властями.

немцы, люди чести. / Я дал слово, что верну вам сына — вот возвращаю!» (2: С. 453). Как в 1944 г. был обвинен в предательстве и расстрелян без суда своими же молодой партизан Макс Новак, двоюродный брат поэта, доброе имя которого тот впоследствии восстановил. Как его другого брата спас в Бухенвальде Душан Кермавнер, с сыном которого Тарасом Кермаунером (1930–2008), крупным словенским литературоведом, Борис долгие годы дружил. И, конечно, значительное место во второй книге занимает рассказ об отце, его партизанских и послевоенных подвигах, «создание отцовской истории в стихах» (2: С. 714). Главный героический поступок Анте Новака — спасение 1-го Кочевского батальона из окружения — партизанское руководство сначала замалчивало, а потом присвоило себе.

Все другие бежали с Рога, только Анте
повел Первый батальон вглубь —
в самое сердце Рога, к единственному роднику, ведь*

*без воды воевать нельзя. Подкрался вечер,
он был чудесен, и Анте не знал, что
их ждет... Его же ждал смертный приговор,*

*за невыполнение приказа Главного штаба,
он был единственным командиром, единственного батальона,
который сражался и отстоял*

*косяк партизанских частей Рога,
— вот только в историю вошли
другие, ... были отмечены заслуги*

исключительно членов ЦК и Главного штаба...

(2: С. 591–592)

Несмотря на блестящий маневр, в ходе которого многим бойцам удалось спастись, «стратегия бильярдного шара» Анте Новака принесла ему отнюдь не славу, а унижение — командир батальона был разжалован в рядовые. Его родные годы спустя ищут записи о той выдающейся операции в книгах и документах, но тщетно, ведь

* Кочевский Рог — горно-лесной массив, где в годы Второй мировой войны находился крупнейший партизанский лагерь на территории Словении.

*ореол героя
навекι умалит великий вклад монополистов Прошлого
и бросит тень на трусость мудрых Бонз...*

(2: С. 605)

Документальное подтверждение отцовского героизма столь важно для его сына, что он включает в стихотворный текст письмо соболезнования, написанное в связи с кончиной «первоборца»* Анте Новака его вдове и сыновьям крупным функционером и общественным деятелем Словении и Югославии, в годы войны в частности возглавлявшим Главный, а затем и Верховный штаб НОА И. Матией-Мачеком. В нем особо подчеркнута героическая роль командира А. Новака во время событий в Кочевском Роге. Отец поэта лично знал Й.Б. Тито, он был одним из тех, чьими руками в период Второй мировой войны делалась тогда военная история Европы и будущая история СФРЮ. Об этом свидетельствует, например, эпизод с радиостанцией «Свободный Триест», которой в 1945 г. руководил Анте Новак.

*Когда до союзников дошло, что партизаны
наступают, они двинули все имеющиеся силы
— составы с пехотными дивизиями — западным путем,
через Паданскую и Фурланскую низменности с северного крыла,
через Тирольские Альпы, мобильные танковые бригады —
в направлении Триеста. Немцы трижды яростно оборонялись,
партизаны массово гибли в боях.
И тогда Тито приказал соединить его с комендантом радио
«Свободный Триест»: «Здорово, Анте! Давненько не виделась. Давай-ка,
запусти в эфир информацию на разных языках, что
Триест взят!» В ответ на робкий протест — мол, еще не взят,
Тито сказал: «Просто дай это в эфир!». Анте перевел новость
на немецкий, французский и сербско-хорватский,
писатель Цирил Космач — на английский и итальянский
и через пять минут импровизированная радиостанция — клетушка*

* Т.е. боец-партизан первого призыва.

с одним единственным микрофоном — дала в эфир сообщение: Триест освобожден! — Udružene snage Jugoslovenske narodne armije i slovenačkih partizanskih odreda

*slo mil e su poslednji otpor nemačkih zlotvora! —
Liberta a Trieste! — Radio Free Trieste speaking —
Der erste Tag der Freiheit in Trieste — Vive la fraternité!*

Des Italiens et des Slovènes! Vive la liberté! ...*

Бледняя, Анте доложил, что приказ выполнен и спросил: «Что теперь?», — Тито ответил с ухмылкой:

«— Не дрейфь, Анте, союзники останоятся»

«— А дальше-то что?» — опять задал Анте вопрос.

Взгляд Тито стал жестким:

«Дальше у нас есть шесть часов, чтобы освободить Триест».

И ведь освободили.

(2: С. 639–640)

Отдавая себе отчет в том, что последствия раскола общества во время фашистской оккупации и национально-освободительной борьбы распространяются и на потомков «красных» и «белых», что это одна из самых болезненных точек в сознании граждан современной Словении, Новак с одинаковой эмпатией говорит о жертвах с обеих сторон, ибо «мертвые сраму не имут». И, уважая память погибших в те страшные годы, лирический герой готов предать земле останки всех до сих пор непогребенных: «Если б я смог, сумел совершить чудо, / всех бы похоронил под солнечными лучами» (2: С. 679).

Настоящей трагедией стала для «пракоммуниста» Анте Новака агония многонациональной Югославии, за свободу которой он когда-то отважно сражался. В последние месяцы своей жизни (первые месяцы существования независимой Словении) отец поэта прошел едва ли самое тяжелое в жизни испытание, став свидетелем обстрелов Дубровника и осады Вуковара, показавших, что героические идеалы партизанской борьбы окончательно обесценены.

* Объединенные силы Югославской народной армии и словенских партизанских отрядов сломили последнее сопротивление немецко-фашистской нечисти! — Свобода Триесту! — Говорит радиостанция Свободный Триест! Первый день освобождения Триеста! — Да здравствует братство! — Итальянцы и словенцы! Да здравствует свобода!

Другая трагическая страница югославской истории XX века — лагерьная — представлена в песне «Тюрьмы», в ее основу легли воспоминания тетки поэта Наджиды, пережившей страшные годы на Голом острове (югославский аналог ГУЛАГа), где людей целенаправленно уничтожали морально, лишали человеческого достоинства, воли и самой возможности проявить сострадание. Впоследствии его узники, многие из которых во время войны прошли через концлагеря нацистской Германии и фашистской Италии, почти единодушно признавали, что по степени жестокости содержания этот лагерь превосходил Дахау, Освенцим и Бухенвальд, потому что «ни в одном лагере не старались настолько унижить человека [...], уничтожить его изнутри»¹¹.

*Швартуется к пирсу корабль, подхлестываемый волной.
С палубы кромка залива как на ладони: пятьсот
женщин, наряженных в белые блузы, — праздник какой?..*

*«Слишком мягкая кара для тех, кто предал народ,
Тито и Партию», — вспоминала Наджида,
тетка моя из Мостара. —*

«Пусть банда поблажек не ждет!» —

*орала надсмотрщица и новичков что есть силы
по головам дубинкой — чтоб бежали вперед — лупила.
Километр побоев, в кровавый закат, сквозь строй...*

(1: С. 312–313, перевод Ж. Перковской)

Об этой чудовищной процедуре упоминает в своей книге «Гольый остров — югославский ГУЛАГ» словенский антрополог Б. Езерник: «заключенные выстраивались в шеренгу, длина которой составляла от 500 метров до полутора километров, и все вновь прибывшие должны были пройти сквозь этот строй, при этом задачей „встречающих“ было показать, насколько они сами уже „перековались“ и как презируют тех, кого только что привезли. При этом в ход шло все — от резиновых галош и дубинок до прочих всевозможных предметов»¹². В нечеловеческих условиях лагерники вели на острове, абсолютно не приспособленном для жизни, строительство, прокладывали дороги, сажали деревья:

*Надсмотрщица знала Наджидинога свояка.
Потому-то на Голом Острове (а он и впрямь был наг)
работа, что ей поручили, была беспримерно легка:*

*добывать по щелям землю, носить в горстях
на подветренный склон. Присыпать семена и ростки.
Не дай Бог — захиреют. Тогда — опять тумачи.*

*Значит, с зари до зари над сеянцем нужно бдеть:
стать ему тенью в безжалостный солнцепек —
прикрывать его телом своим в ураган и мокредь:*

заяни хоть до костей — спасай несмелый росток.

[...]

Тенью, как грудью, деревце подкормив,

шепчет, как над младенцем: «Не умирай!

*Расти! А если вырвусь из этих оков —
в гробе или гробу — обо мне вспоминай!*

Скалы превозмоги! Остров одень! Будь небесам под стать!»

*Пергаментными перстами она ласкает
свежий зеленый побег — любимого прядь...*

(1: С. 313–314, перевод Ж. Перковской)

Много лет спустя, оказавшись в тех страшных местах, поэт обращает внимание на одинокую сосну, которая видна с причала. Это посаженное и бережно выращенное узниками дерево, которое пережило большинство из них, — памятник тому страшному времени, мерило человечности и доказательство того, что дух может победить. Поэтому, «если зной несносен и сердце сбоят, — / тень сосны Наджиды тебя приютит...» (1: С. 314).

Для поэтического стиля Новака характерна частая смена интонаций: трагический пафос может соседствовать с юмором и иронией, сентиментальная тональность — с гротеском, добродушное подтрунивание с мудростью философа. Такова, например, зарисовка о бабушке, которая, несмотря на тяжелейшие испытания, до конца жизни сохраняла бодрость духа и выдержку:

Наша бабушка всю свою жизнь вела
каждодневную битву — прилагая большие старания —
с пылью, грязью и всем, что оскверняло дом.

Стратегию, что разработана ею была,
семья называла не иначе как «тряпкознанием».
Вот она, в изложении достоверном моем.

В любую минуту была у бабушки под рукой
нужная тряпка из семнадцати самых преданных.
Словно опытный маршал, вводила бабушка в бой

тряпкобронепехоту, у врага вырывая победу.
Не дай Бог кому-то — даже без умысла злого —
вытереть стол лоскутом, уготованным для иного!

Если кто-то осмеливался на такое,
с ним разговор был коротким на поле боя...
Даже прислуге нельзя доверять — каждый раз

бабушка повторяла: тут нужен глаз да глаз.
Потому чаще она — для нее это было несложно —
распоряжалась тряпчным строем

собственноручно (а также собственноручно).
Тряпкознание, как и любая научная сфера,
требует точности в терминах. Поясню на примерах.

- 1) «Грубая» тряпка — для нижнего лестничного пролета;
- 2) «нежная» тряпка — для мрамора в вестибюле;
- 3) «мягкая» — для полировки разошедшегося паркета;
- 4) «грязная» — из пришедшей в негодность одежды, ветошь
для медной пластины, что под камином;
- 5) «большая махровая» — для мощеной террасы;
- 6) «вафельная» — для кухни и ванной — для кафеля;
- 7) «старая» тряпка, чистая — для мисок, горшков и кастрюль;
- 8) «новая», свежая, — для блюдец, чашек, тарелок;
- 9) «тонкая» — для хрустальных бокалов;
- 10) «скорая» — для ножей;
- 11) «витая» — для вилок;

- 12) «драющая» — для ложек;
- 13) «глянцевая» — для столового серебра;
- 14) «чистая» — для зеркал;
- 15) «проглаженная» — полупрозрачная — для гладильной доски;
- 16) «мужская» — чтоб протирать башмаки;
- 17) «наводящая лоск» — лишь для розовых туфелек на каблуках
и красных сапожек в узорчатых завитках

(только они ей напоминали о том,
что она все же дама, —
поэтому тряпка хранилась в комодке — в ящичке под замком,

а ключик стал частью связки старых, тяжелых ключей:
бабушка ею звенела упрямо
в доказательство абсолютной власти своей).

Бабушкин принцип тряпочной иерархии
был разработан настолько тщательно и безусловно,
что я просто обязан привести его слово в слово

для последующих поколений:
ножики гладкие, мы не суем их в рот —
их и «скорая» тряпка сразу возьмет;

вилки — иное дело: застрянет меж зубьев крошка —
только «витая» тряпка дело спасет.
иное — ложки:

облизаны нами, они ведь микробами так и кишат —
значит, надо подумать о гигиене,
а ее навести можно лишь тряпкой, которая «драит»...

Но все это разветвленное, четкое тряпкознание,
весь этот личный состав Воинства противогрязевого,
денный и ночный заслон

нечистотам нашего мира,
весь арсенал, который без страха
разворачивала, дислоцировала

*бабушка, видя в нем смысл бытия —
перед рубежами неодолимыми
оказался бессильным он:*

*ничего не предотвратить,
не изменить.*

*Рассыпалась жизнь —
рассыпалась жизнь нашей бабушки —
безвозвратно
рассыпалась прахом.*

(2: С. 97–100, перевод Ж. Перковской)

Очень показательны фрагменты, в которых в миниатюре отразились важнейшие события национальной истории XIX и XX вв. Один из них относится ко времени провозглашения социалистической Югославии. На смертном одре господин Антон Новак, *«офицер штаба австро-венгерской армии и капитан вооруженных сил Королевства Югославия в отставке»* велел своему сыну, товарищу Анте, *«демобилизованному полковнику Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Словении»* вскрыть портрет *«верховного главнокомандующего Югославской Народной армии, пожизненного руководителя Федеративной Народной Республики Югославия»* маршала Й.Б. Тито, который висит на стене квартиры в Мариборе, на улице Парижской коммуны, до войны улице Стритара, во время войны Перкогассе, дом 29, — там он найдет завещание. Сын выполнил последнюю волю отца. Под портретом Тито была обнаружена фотография А. Гитлера, вскинутой рукой приветствовавшего мариборцев, под ней — открытка с изображением малолетнего короля Петра II, Карагеоргиевича, дальше портрет князя-регента Павла Карагеоргиевича, подписавшего пакт с Гитлером и Муссолини, под ним — портрет убитого в Марселе Александра I Карагеоргиевича, под ним — изображение Петра I Карагеоргиевича, первого монарха Королевства сербов, хорватов и словенцев, под ним — изображение Карла I Габсбург-Лотарингского, последнего правителя династии Габсбургов, под которым покоился светлейший лик Франца Иосифа. За ним-то и скрывалось завещание, гласившее: *«Теперь ты видишь, сын мой, кому твой отец / был вынужден присягать»* (2: С. 241).

Второй эпизод связан с событиями «десятидневной войны», когда летом 1991 г. над только что провозглашенной независимой Республикой Словенией нависла реальная угроза: союзный парламент выступил с осуждением ее отделения, признав эти действия незаконными, а затем направил в сторону ее границ танковые подразделения ЮНА. Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны. Возникла угроза полномасштабной войны, ждали, что Белград отдаст приказ бомбардировать Люблян. В длившихся 10 дней боевых столкновениях, по словенским данным, правительственные войска потеряли тридцать девять человек, Словения — девять (четыре военных и пятерых гражданских)¹³. Хроника этих драматических дней показана глазами автора, в то время одного из членов редколлегии журнала «Новая ревия», готовившего словенскую «бархатную» революцию:

*Нескончаемые ночи и дни войны за Словению
я проводил в редакции «Новой ревии»
тогда на Цанкаревой. Теперь об этих бденьях*

Неофициально
мы назывались
«Военная редакция

*едва ли кто-то вспомнит, а во мне воспоминанья эти
мерцают как огонь всех сигарет, которыми дымили мы,
туша окурки в пепельнице прошлого, которое*

„Новой ревии“»
вместе мы выдержали
самые страшные

*шло на нас колонной танков. Впрочем
силе тех угроз мы верили не очень, система устарела,
проржавела,
еле дышит, хотя еще грозит, бряцает смертью —*

дни и ночи
полночи и рассветы
новойшей

*штурмовиками и ракетами...
Началом ее финала стал упрямый вызов
на лице Драго*, в глазах Нико**...*

истории
Янчар
Графенауэр

[...]

*помню, как однажды ночью, когда коллеги без сил дремали за столом
я лично с полчаса по телефону — и как же было слышно хорошо,
как из соседнего района, — беседовал о чем-то с Белым домом,
а в пять утра меня арестовал патруль*

* Писатель, драматург, публицист Драго Янчар.

** Поэт Нико Графенауэр.

*словенцев непоколебимых,
из территориальной обороны,
словенских Volks-терьеров;*

*и меня допросили
и пригнули
как перебежчика,*

*потому что в моих документах они прочитали,
что я родился в Белграде...*

(2: С. 696–698)

Именно поэтому начавшаяся агония «большой» родины поэта Югославии, с которой была связана жизнь всей его семьи, стала для него тяжелым испытанием: «Словению я защищал, / когда она подверглась нападению, Югославию мне было больно / терять, страну отцов, навеки, безвозвратно» (2: С. 702). На глазах уходила великая эпоха, Новак не скрывает, что до сих пор его преследует «фантомная боль» от «ампутированной Югославии» (2: С. 703).

Последняя книга эпоса «Обиталища душ» отличается от первых двух не только объемом, но и значительно более существенной философской компонентой повествовательной структуры — стереоскопическое осмысление Прошлого с помощью индивидуального опыта множества персонажей и есть, по мысли автора, поэтизация Истории. Метафорой этого служит плаванье на Корабле, на котором лирический герой совершает путешествие вглубь своей и коллективной памяти, чтобы увековечить Время и Образы ушедших, создать с помощью поэтического слова символический «грандиозный кенотаф» (3: С. 419), т.е. надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного. Попадая в «Подпалубье», лирический герой совершает погружение в «архив мира» (3: С. 26), посещает Музей тикающих часов всех диктатур и Музей неосужденных монархов. Панораму этого экскурса открывают герои древних мифов, а завершают современные беженцы, Троянская война здесь плавно перетекает во Вторую мировую, а затем и в конфликт на Балканах. В седьмой тетради, названной «Надпалубье», сила художественного воображения дает шанс душам ушедших вырваться из лап Истории и прожить жизнь, не притворяясь и не приспособляясь к обстоятельствам. Семейная легенда об аристократических корнях рода Новаков придает этому сослагательному наклонению особое очарование:

...Наш прапрадед с бабушкиной стороны именовался von Schwarz. Судетский немец. Сколько в арийце этом было еврейского и чешского? Уж не оттого ли вся эта наша Totentanz?

Наш отец — для красного ganz typisch — приставку VON почел за лучшее оставить в тайне, кровь-то не голубого, а красного оттенка...

[...]

...Наш прапра... дядя Мартин Новак был новобранцем в армии Наполеона, до Москвы добрался и стал писаться Martinengo DE...

— Еще важнее то, хвалился *наш отец*, что рудники его алмазные в Катанге мы чуть не подарили партии, но тут капиталисты их отдали государству.

(3: С. 684–686)

В диалог с ушедшими (тетради «Душа первой женщины», «Душа первого повествователя», «Души поэтов») естественно вплетается тема самой Поэзии, творчества как главного прибежища души поэта — этого Одиссея современности, единственной Итакой для которого остается слово.

*Ежели ты философ,
меж буквой и духом выбери дух:
истинность духа букву направит.*

*Ежели ты поэт,
меж буквой и духом выбери букву:
правильность буквы направит к истине дух.*

*Ежели ты священник,
меж буквой и духом выбери сердце.*

[...]

*Из пары слов
выбери более тихое.*

*Между беззвучьем и словом
выбирай возможность прислушаться.*

*Из пары книг выбирай
ту, что больше покрыта пылью.*

[...]

*Между чаяньем и отчаяньем
выбери чаянье —
его тяжелей нести.*

(3: С. 981, 984, перевод Ж. Перковской)

Одним из действующих лиц третьей книги выступает сама *Arg poetica* — мировая поэтическая традиция (тетрадь «Души поэтов»), представленная именами и образами тех, кто оказал и продолжает оказывать влияние на автора. Помимо «недосягаемого» Данте, это «учителя» — С. Малларме, П. Верлен, А. Рембо, Ч. Милош, «старшие братья» — Д. Зайц, Т. Шаламун, «ровесники» — Ю. Детела, М. Есих, А. Дебеляк. Завершают эту тетрадь четыре оды: ода каракулям, ода косноязычию, ода терпению и ода неумению — остроумный, ироничный и самоироничный рецепт от мании величия и сомнения для всех тех, кто, как и Новак, имеет в анамнезе болезнь рифм. В последней тетради «Вечные души», развивая классический мотив из Горация, в своей трактовке поэтического предназначения лирический герой более серьезен:

*... На похоронах
оратор торжественно у врат моих последних
прочтет пять-шесть стихов из всех сорока тысяч*

*по желобу притвора для усопших в храме св. Николая
забарабанит дождь,
сонма ангелов не будет, ведь не мочить же белые крыла...
а я останусь там, один, в сырой земле, неба вата*

*мокра насквозь. Мой opus magnū весом в три кило
тяжеловат для вас, словенцы...*

[...]

*... Несколько стихов, что будут помнить, —
Вот все, чего хочу [...]*

(3: С. 1045–1046)

Одним из способов преодоления жестокой данности существования, связанной с неизбежностью смерти, является для автора трилогии необходимость действовать, совершать поступки, не случайно одна из тетрадей имеет название «*Душа — это глагол*». На формальном уровне это находит выражение в ритмической организации текста: Новак прибегает к широкому регистру версификации, использует чередование различных по этимологии и частоте употребления стиховых единиц и метрики. Классический ямбический одиннадцатисложник претерпел в эпосе существенные трансформации, строгие рифмы часто заменяются ассонансами, формы сонета, венка сонетов, мадригала, виланеллы заметно адаптированы, верлибризованы, автор использует хайку, приемы визуальной поэзии (игра с размером и шрифтом буквы, слова, словосочетания, с графическим расположением строк на странице). В наиболее драматических эпизодах и картинах справа от основного стихотворного ряда располагаются дополнительные строки, которые своим значением и звучанием оттеняют его содержание: авторский голос, откликаясь на изображаемое, заостряет конфликт эпического и лирического.

<i>... меня все мучает: а был бы я в том поезде среди десятков, сотен таких же втиснут [...]</i>	Auschwitz-Birkenau Brendonk
<i>боялся бы за мать, она зачахнет от страха смертного за сына, за меня, вдруг</i>	Buchenwald Belzec
<i>нить ее последних дней была в моих руках</i>	Bad Sulza Banjica

(3: С. 211)

— так звучит внутренний монолог интернированного человека, которого в товарном вагоне везут в концлагерь. Пропуская трагедию Второй мировой войны через себя, лирический герой Новака приближает национальный и универсальный исторический контекст современному словенскому читателю.

Понимание времени и пространства, представленное в эпосе «Врата безвозвратности», говорит о том, что прошлое для современной словенской поэзии в лице ее лучших представителей по-прежнему является частью настоящего, «просвечивает» сквозь него, именно образы прошлого являются доминантой самосознания и влияют на восприятие настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом подробнее: *Старикова Н.Н.* Studia translatoria. Заметки об истории, теории и практике словенского художественного перевода // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы». Серия: «Современные литературы стран ЦЮВЕ». М., 2016. С. 42–57.
- ² *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Knj. 1: Zemljevidi domotožja. Knj. 2: Čas očetov. Novo Mesto, 2015; Knj. 3: Bivališča duš. Novo Mesto, 2017.
- ³ Здесь и далее трилогия «Врата безвозвратности: эпос» с указанием номера книги и страниц в круглых скобках цитируется по вышеуказанному изданию. В случае, когда имя переводчика не указано, вольный перевод сделан автором статьи.
- ⁴ *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 16–17, 57–59.
- ⁵ См. об этом подробнее: *Старикова Н.Н.* «Новые» ориентиры современной словенской поэзии // «Преимственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы». Серия: «Современные литературы стран ЦЮВЕ». М., 2017. С. 125–138.
- ⁶ *Vrečko J.* Poezija kot zgodovina in objuni ep // *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Knj. 3. S. 1071.
- ⁷ *Novak Boris A.* Kot pesnik sem star 3000 let (intervju z Borisom A. Novakom spraševal je Josip Osti) // *Literatura.* 2015. Let. 27. Št. 287. S. 80.
- ⁸ *Ibid.* S. 89.
- ⁹ *Novak Boris A.* Lea Forštner z Borisom A. Novakom // *Sodobnost.* 2015. Let. 79. Št. 12. S. 1596.
- ¹⁰ *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа): URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/epos_roman.php (дата обращения: 21.05.2018).
- ¹¹ *Simić D., Trifunović B.* Ženski logor na Golom otoku. Beograd, 1990. S. 217.
- ¹² *Езерник Б.* Голый остров — югославский ГУЛАГ. М., 2018. С. 67.
- ¹³ *Vojna za Slovenijo.* Ljubljana, 1991. S. 129.